

Споры о летописи как о литературном памятнике, о возможности ее изучения с этой точки зрения велись среди литературоведов как раз в предреволюционные и первые послереволюционные годы. Переноса на древнюю Русь систему жанров новой литературы, филологи, занимавшиеся синтетическим исследованием русской литературы, склонны были относить летопись к «научным» или публицистическим жанрам, включая в литературу в точном смысле слова только «Слово о полку Игореве», жития и апокрифы.⁴ Возражая против подобного механического разделения памятников древнерусской письменности, В. Н. Перетц еще в 1914 г. писал, что «мы всегда имеем в литературном произведении любого содержания сторону, подлежащую изучению историка литературы», и что исключать из «явлений древнерусской литературы» такие памятники, «которые преследуют свои особые цели, нет никаких оснований».⁵

Особое, весьма важное значение для изучения летописей как литературных памятников имели труды А. А. Шахматова. Уже в одной из первых работ по летописанию А. А. Шахматов подчеркивал, что летописи были «литературными произведениями»; возражая И. А. Тихомирову, рассматривавшему летопись как точную и объективную хронику событий, Шахматов подчеркивал, что летописец ощущал себя «полным и безответственным хозяином накопленного материала».⁶ К этой мысли А. А. Шахматов возвращался и впоследствии. «Исторические факты дошли до нас в литературной традиции, в литературных памятниках, они светят сквозь тусклую призму литературных памятников» — писал он в 1915 г. В. Пархоменко.⁷

В чем смысл этих замечаний? Призывая к рассмотрению летописи как литературного памятника, А. А. Шахматов вовсе не имел в виду изучение художественной системы летописцев. Литературоведческим анализом в этом смысле он никогда не занимался (эта задача, как мы увидим далее, была поставлена только в советской литературоведческой науке). Он имел в виду иное: необходимость исследования литературной истории каждого летописного памятника, такого филологического исследования, которое обязательно должно предшествовать использованию отдельных известий летописи как исторического источника.⁸ В этом же смысле о «литературном анализе» летописи писал в 1947 г. и Б. А. Романов: «После того, что сделано в изучении русского летописания

к действительности» (договоры с греками, Русская Правда), статей, не предназначенных «для какого-либо исключительного употребления» (там же, стр. 5). О появлении в летописи, несмотря на ее малое отношение «к литературе в смысле художества», отдельных эпизодов «чисто поэтического творчества» писал и А. Н. Пыпин (История русской литературы, т. I. СПб., 1898, стр. 284).

⁴ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923, стр. 40—43; П. Н. Сакулин. Синтетическое построение истории литературы. М., 1925, стр. 38. Против такого взгляда, распространенного среди педагогов-словесников, еще в 1916 г. выступал А. И. Белецкий (О преподавании древнерусской литературы в средней школе. «Наука и школа», Харьков, 1916, № 1, стр. 15—18).

⁵ В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914, стр. 220. Ср.: А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. Изд. 2. М.—Л., 1939, стр. 80.

⁶ А. А. Шахматов. Разбор сочинений И. А. Тихомирова «Обозрение сводов Руси Северо-Восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899 (Записки АН по историко-филологическому отделению, т. IV, № 2/1), стр. 108.

⁷ В. Пархоменко. З листування з акад. О. О. Шахматовим. — «Україна», Київ, 1925, кн. 6, стр. 127.

⁸ Неправ поэтому А. Г. Кузьмин, противопоставляющий шахматовский взгляд на летописи «как литературные памятники» подходу историков, изучающих летописи «ради